

Глава 10. Рисунки

Цю Хуанянь ворочался с боку на бок до второй половины ночи, пока наконец не успокоился.

С чем бы ни пришлось столкнуться, нельзя терять голову. Только сохраняя спокойствие, можно найти выход из тупика.

На следующее утро, отведя детей в дом Ху Цюянь, юноша напрямик отправился к главе клана.

Он понимал: в нынешнем положении ему нужен совет человека доброжелательного, искушённого в правилах этого мира и обладающего весом в обществе. Цю Хуанянь жил в деревне семьи Ду и считался — пусть и формально — мужем-воспитанником Ду Юньсэ. Если бы его нагло похитили, это стало бы несмываемым пятном на репутации самого главы клана.

На стук вышла Мэн Фуюэ и проводила гостя к свёкру.

Хуанянь не стал ходить вокруг да около и вкратце изложил суть дела.

— Я молод и в подобных делах несведущ, — закончил он, глядя на Ду Чжэньхэ. — Всю ночь глаз не смыкал, всё думал. Хочу просить вас помочь мне советом.

Мэн Фуюэ, протиравшая в горнице стол, услышав это, едва сдержалась, чтобы не побежать к дому госпожи Чжао и не высказать ей всё в лицо.

«То-то у братца Хуа с утра глаза красные! — возмущалась она про себя. — Сговориться с чужаками, чтобы извести своего же односельчанина... Ну и гадина эта Чжао!»

Ей хотелось крикнуть юноше, чтобы тот не боялся: если семейство Цю сунет сюда нос, мужики всей деревни колами их выпроводят. Но пока свёкор не подал голоса, она не смела встречать.

Глава клана затянулся трубкой, пристально изучая сидевшего перед ним гээр.

Прежде Хуанянь почти не выходил со двора, а если и случалось — всегда прятал лицо и сутулился. У людей не осталось в памяти его чёткого образа. Но за последние дни он преобразился: стал открытым, приветливым, и эта внутренняя энергия заставила его красоту расцвести так, что скрывать её стало невозможно.

Ду Чжэньхэ разменял седьмой десяток. В молодости он много странствовал и научился видеть людей насквозь. За всю жизнь он встречал лишь одну красавицу, чьи черты могли бы сравниться с обликом юноши — ту самую девушку из соседнего уезда, что лет пятнадцать назад забрали в императорский дворец.

Сейчас красота Цю Хуаняня не бросалась в глаза лишь из-за грубой одежды и отсутствия украшений. Но стоило ему сменить наряд, и он преобразился бы до неузнаваемости. Даже сейчас, когда его глаза припухли от бессонной ночи, это лишь придавало ему болезненную хрупкость, делая ещё более притягательным.

Для человека в их захолустье подобная внешность была скорее проклятием, чем благословением. Попадись такой гээр на глаза влиятельному сластолюбцу — и всё семейство могло пойти под откос.

Та самая красавица из соседнего уезда уже была помолвлена и не желала следовать за выбравшим её вельможей. Стоило ей замешкаться, как вся семья её жениха в одну ночь скоростижно скончалась от «неведомой хвори».

Красоте положено принадлежать таланту, но сможет ли Юньсэ удержать в руках этот раскалённый уголь — большой вопрос.

И всё же братец Хуа был по-настоящему добрым малым. В их нынешнем положении семье без него не выжить...

Старик снова пыхнул трубкой и глухо спросил:

— Братец Хуа, а сам ты что об этом думаешь?

Пока глава клана молчал, Хуанянь по выражению его лица пытался угадать ход мыслей старца.

— Я хочу лишь одного: заботиться о Цзюцзю и Чуньшэне. Мне некуда и не за чем уходить, — ответил он спокойно и искренне.

— А что, если тебя позовут не в нужду и горести, а к великому изобилию?

Старик внимательно посмотрел на собеседника.

— Жить в шелках, есть с золота, окружить себя слугами и забыть о трудах с рассвета до заката... Тебе больше не придётся гнуть спину и терпеть чьи-то обиды.

Если бы не серьёзность момента, Хуанянь бы усмехнулся.

Он прекрасно знал, что красив. После перерождения в теле гээр его черты стали изящнее и тоньше. Пусть дома не было зеркала, но каждое утро, набирая воду, он отчётливо видел своё отражение в кадке.

Юноша понял намёк: если родные из Шанляня не дураки, они не станут снова продавать его за две меры сорго. Они постараются выгодно сбыть его в богатый дом в качестве диковинки.

— Я не пойду, — отрезал Хуанянь.

«Неужели я похож на идиота? — подумал он. — Бросить свободу и возможность самому строить свою жизнь ради того, чтобы стать запертой в клетке наложницей невесть кого?»

— Ты хоть понимаешь, от какой жизни отказываешься? — старик всё ещё сомневался.

Хуанянь ощутил странное дежавю. Примерно так же на него смотрел начальник отдела кадров, когда он увольнялся из крупной корпорации, чтобы уехать в деревню.

— Каким бы сладким ни был чужой пирог, он никогда не станет своим, — улыбнулся юноша с такой уверенностью, что у главы клана не нашлось возражений.

«В любом случае, какой бы прекрасной ни была та жизнь, в ней точно не будет кондиционеров, холодильников, Wi-Fi и интернета, а потому мне даже думать об этом не хочется»

Ду Чжэньхэ кивнул:

— Хорошо. Если ты сам не желаешь уходить, остальное поправимо.

— Самое простое — это дождаться возвращения Юньсэ. Возьмёте моё письмо, отправитесь в уездную управу и оформите брачное свидетельство по всем правилам, чтобы никто не смог к вам придраться.

— А пока, на всякий случай, в город будешь ездить только на нашей повозке. Баожэнь тебя отвезёт.

Ду Баожэнь был старшим сыном главы клана и мужем Мэн Фуюэ.

Хуанянь не ожидал такой удачи — получить «абонемент» на бесплатные поездки на муле.

Мэн Фуюэ тут же подхватила:

— Братец Хуа, не стесняйся. Мы одного клана, помогать друг другу — дело естественное. Кому в жизни не доводилось в беду попадать? До весенней пахоты ещё время есть, Баожэню всё равно дома сидеть без дела.

Юноша воочию убедился в силе родовых связей древней деревни. Клан был подобен огромной

сети: он ограничивал свободу, но он же и не давал упасть в бездну.

Поблагодарив и выйдя со двора, Хуанянь сказал Мэн Фуюэ, что хочет перемолоть побольше зерна, и спросил, нельзя ли воспользоваться повозкой для перевозки мешков.

Она охотно согласилась. В этот раз Хуанянь перемолол все запасы кукурузы и замоченного очищенного сорго. Одолжив у Фуюэ, тётушки Цюянь и соседей несколько больших чанов и вёдер, он принялся за крахмал. Кукурузную муку он ссыпал в ларь для еды.

Повозка сэкономила уйму времени. За три дня Хуанянь управился со всей работой. Когда торговый крахмал просох, получилось целых сто двадцать цзиней — этого запаса должно было хватить надолго.

Побочного продукта — клейковины — оказалось слишком много, чтобы съесть сразу. Юноша нарезал её тонкими ломтиками и высушил на солнце. Теперь её можно было хранить в мешках и просто размачивать в воде перед готовкой.

Так прошло ещё около шести дней: утром — варка сахара и плотницкие заботы, после полудня — торговля в городе. Пересчитав медяки в своём сундучке, Хуанянь с удовлетворением отметил, что заработал свой первый целый лян серебра.

Тысяча медных монет была нанизана на тонкую соломенную бечёвку и завязана узлами с обоих концов; тяжёлая связка приятно оттягивала руку. Хуанянь припрятал их, решив обменять на серебряный слиток, когда выпадет случай поехать в уездный город.

Сегодня ему нужно было быть в городке с самого утра — наступил день подработки в лавке письменных принадлежностей. Когда он подошёл к околице с коробом за спиной, Баожэнь с женой уже ждали его в повозке.

Родные Фуюэ жили в Цинфу, так что Баожэнь каждый день подвозил Хуаняня, а его жена заодно навещала близких.

Тот забрался в повозку, Баожэнь взмахнул хлыстом, и мул припустил рысцой.

У телеги не было кузова — лишь плоский дощатый настил с невысокими поручнями по бокам, на который набросали соломы. Поначалу езда казалась забавной, но вскоре Хуанянь почувствовал каждую кочку.

Впрочем, это всё равно было в десять раз лучше, чем тащиться пешком.

Мэн Фуюэ с каждым днём проникалась к нему всё большей симпатией. Она вовсе не считала эти поездки обузой.

Братец Хуа умел расположить к себе: каждый раз, садясь в повозку, он совал ей в руки какой-нибудь гостинец. За эти дни дети в её доме не знали недостатка в сладостях.

Пусть возить его наказал свёкор, и они делали это по долгу, но когда добро возвращается сторицей — это всегда приятно, верно?

Добравшись до лавки в городке, Хуанянь поставил короб. Хозяин, Ван Чэн, уже приготовил стопку бумаги, кисти и несколько чашечек с красками.

— Время перед праздником Цинмин — самая жаркая пора для торговли жертвенной бумагой. Даже самые бедные семьи стараются купить что-то получше, чтобы задобрить предков, — пояснял Ван Чэн. — В уездном городе знатные дома не смотрят на ту бумагу, что печатают в обычных лавках. Они ищут ту, что расписана вручную.

— Но нанимать художников в городе — дело дорогое, меньше чем за пятьдесят вэней никто и кисть не возьмёт. Многим это не по карману. Вот тут-то и кроется наша выгода.

— Мне не нужно, чтобы ты создавал шедевры. Главное, чтобы рисунок был чётче, чем на оттиске. Плачу по восемь вэней за лист. Не думай, что мало: поверь моему опыту, в уездном городе на это будет большой спрос.

Юноша кивнул, осматривая стопку нарезанной бумаги. Это была недорогая бумага цзялянь, листы размером с современный формат А4. Рисунок должен был занимать лишь треть места, остальное оставляли для поминальных слов и пожеланий, которые покупатели вписывали сами.

— Сколько листов вам нужно, уважаемый хозяин? — спросил Хуанянь.

Ван Чэн пожал плечами:

— Разумеется, чем больше, тем лучше.

Он знал, что живопись — дело небыстрое, и надеялся, что Хуанянь нарисует хотя бы пару десятков.

— Сколько таких листов вы рассчитываете продать к празднику? — переформулировал вопрос юноша.

Хозяин лавки явно обдумывал это заранее:

— Я поставлю цену в пятнадцать вэней за штуку. Думаю, сотни две-три разлетятся вмиг. Да только где же мне столько взять?

Хуанянь тонко улыбнулся:

— Что ж, тогда нарисуем три сотни.

Ван Чэн посмотрел на него с сомнением. До Цинмина осталось три дня. Три сотни? Да успеет ли он?!

— Я нарисую несколько для начала, а вы посмотрите, годится ли.

С этими словами юноша взял кисть. Слива, орхидея, бамбук и хризантема, а следом — золотистые карпы и грациозные журавли один за другим начали проявляться на листах. У Ван Чэна было всего три цвета: тушь, киноварь и индиго, но Хуанянь умело сочетал их, варьируя густоту мазков.

Через четверть часа на столе лежало восемь готовых листов.

— Такая завершённая вас устроит? — спросил Хуанянь онемевшего от изумления лавочника.

Тот с трудом нашёл слова:

— Устроит... Ещё как устроит!

Когда рисунки стали меньше, а к туши добавились краски, работа этого гээр стала выглядеть ещё изящнее.

Печатные оттиски всегда проигрывали ручной работе: на них нельзя было передать переходы тонов, а краски часто смазывались. Ван Чэн ждал малого, но теперь, глядя на готовые листы, он понял: цену можно и поднять! Эти рисунки вполне могли потягаться с дорогой бумагой, которую расписывали городские мастера.

Хозяин быстро подавил жадность, напоминая себе, что лучше брать объёмом и доступной ценой.

«Раз этот гээр рисует быстрее, чем работает печатный пресс, — рассудил он, — то я заработаю на количестве!»

Скорость Хуаняня поражала, но сам юноша лишь загадочно улыбался.

В прошлой жизни он рисовал эти классические сюжеты сотни раз, до тех пор, пока его не начинало от них подташнивать. Он мог закрыть глаза и безошибочно провести каждую линию.

Рисунку размером с ладонь не требовалось лишних деталей. Две-три минуты на лист — разве это проблема для опытной руки?

Он не гнался за «душой» или «высоким искусством». В этот момент он был просто бездушным печатным станком, настроенным на прибыль.

Почти весь день юноша провёл в лавке. Ван Чэн, видя, как растёт стопка готовых листов, сиял от счастья, словно уже видел горы медяков. Он сам заваривал гостю чай, а в полдень не пожалел восьми вэней и принёс из харчевни миску лапши с жирными кусками мяса для него.

Закончив сотую страницу, Хуанянь отложил кисть:

— На сегодня хватит. Завтра и послезавтра нарисую ещё по сотне.

Лавочник не возражал:

— Эту сотню я сегодня же отправлю в уездный город. Остальные подождут.

Довольный хозяин не стал тянуть с расчётом. Пересчитав листы, он тут же выложил плату.

По восемь вэней за штуку — восемьсот монет. Прибавив к этому выручку от сахара, Хуанянь понял, что скоро в его сундучке прибавится ещё один лян серебра.

В прекрасном расположении духа он купил цзинь свинины и свежий тофу. На ужин он планировал приготовить тушёное мясо с нежной соевой массой.

К пяти часам вечера, когда солнце уже не палило, крепкий мул бодро вёз его домой.

У выезда из городка двое мужчин, прячась в тени, провожали повозку недобрыми взглядами.

— Опять мясо купил. Ишь, как развернулся!

— Сахар варит, кистью машет... Раньше-то что ж молчал, гадёныш? Видать, припрятывал умения, пока у нас жил.

От одной мысли, что Хуанянь зарабатывает деньги, которые им не достанутся, семейство Цю из деревни Шанлянь изнывало от жадности.

Если бы они знали, что этот мальчишка на такое способен, ни за что бы не отдали его за две меры сорго! Всё это — и деньги, и мясо — по праву должно было принадлежать им!

— Вижу я, что он упёрся. По доброй воле не вернётся, — прохрипел старший, Цю Фу, двоюродный брат Хуаняня. — А если он сам против будет, то и силком его не удержишь — деревня семьи Ду не те люди, с кем шутки плохи...

— Брат, и что же делать? — спросил младший, Цю Гуй. — Юньсэ вернётся через пять-шесть дней. Оформит бумаги — и пиши пропало.

Цю Фу впился взглядом в удаляющуюся повозку. Внезапно в его памяти всплыло лицо Цю Хуаняня, которое он видел сегодня днём, и в голове созрел дерзкий план.

— Удерживать его нам и не нужно. Мы продадим его так далеко, что он и дороги назад не найдёт.

— О чём ты, брат?

— Есть у меня на примете один торговец людьми. Он как раз ищет красивых гээр, чтобы везти их на юг. С таким лицом, как у Хуаняня, ему там самое место, — глаза Цю Фу хищно блеснули.

— Я всё с торговцем обговорю. Как только схватим мальчишку — сразу в повозку и прочь. А если из деревни семьи Ду придут спрашивать, скажем, что он сам на юг за лучшей долей подался. Раз самого его не найдут, то и свидетелей против нас не будет. Свои же родные его судьбу решили — по закону мы правы останемся.

Цю Гуй кивнул, но тут же засомневался:

— Да только как его схватить? Эти дни его всё на повозке возят. Не в деревню же нам лезть?

В деревне семьи Ду дома стояли тесно, кругом соседи — незамеченными не пробраться.

Цю Фу оскалился:

— Не спеши. Через три дня — Цинмин. Каждая семья пойдёт на могилы предков. Не станут же его сельчане вечно за руку водить? Вот тогда-то мы его и подкараулим.

<http://bllate.org/book/15363/1372824>